

ВЕРСИИ

Асеф ДЖАФАРЛИ

Фильм австралийца Бэза Лармана "Ромео и Джульетта", ставший сенсацией и производящий сейчас фурор в Америке, — пример совершенно необычного подхода к классике.

“Ромео и Джульетте” повезло: в шекспировском наследии это одна из самых часто ставившихся пьес. Кино также не обошло ее стороной. Запомнился по отечественному прокату английский кассовый фильм начала 70-х с великолепным Меркуцио. Чем можно удивить западного зрителя на фоне сотен, если не тысяч удачных — традиционных и архиваторских — постановок! И тем не менее налицо не то что успех — обвал. Причем основной аудиторией, первой оценившей фильм и создавшей ему астрономические сборы, называют молодежь.

В чем же дело? Бэз Ларман поклялся не изменить ни одной буквы в каноническом тексте великого драматурга — и он сдержал слово. Как же тогда случилось, что те же подростки, умирающие от скуки при разборах языка елизаветинцев на уроках литературы и отлынивающие от чтения по ролям диалога Ромео и Джульетты из сцены у балкона, — эти самые тинейджеры по пять-семь раз подряд готовы смотреть экранизацию пьесы, которой недавно исполнилось 400 лет? Еще одна характерная деталь: появление на экране Ромео (его играет блестящий голливудский актер Леонард Ди Каприо) девочки встречают воплями восторга, сравнимыми разве что с теми, какие раздавались в свое время при появлении на сцене “Битлз”. Да, все приметы оглушительного успеха налицо. Но одной только внешней привлекательностью 21-летнего номинанта на “Оскар” его не объяснить.

Слово “экранизация” по отношению к “Ромео и Джульетте” Бэза Лармана, конечно, не подходит. Это полное переосмысление, рискованный переворот — так может показаться, особенно поначалу. Современный мегаполис, где обособились кланы Монтеки и Капулетти, названный в фильме не без остроумия “Верона-таун”, напоминает и Лос-Анджелес, и Мехико, и Майа-

Перестрелки на небоскребе по Шекспиру

ми... десятки городов мира. По крайней мере, зрители после премьеры в своих интервью для прессы “безошибочно” узнавали место действия — и каждый называл свой город.

Два могущественных гиганта, две всемогущие корпорации нашли смысл жизни в ненависти к противнику. Ненависть, которую мы в последнее время наблюдаем в бразильских телесериалах, сделалась единственной реальностью, какой живут члены двух синдикатов. Фильм позволяет наполнить эту мифологию различным содержанием: кому-то покажется, что речь идет о разборках мафии в Майами; кто-то опознает в белых англосаксах Монтеки и смуглых, говорящих по-английски с испан-

ским акцентом Капулетти модель жизни в современной Мексике; другие могут поклясться, что Шекспир написал о недавних кровавых беспорядках в Лос-Анджелесе. Герои вступают в перестрелки и стычки на улицах: пуленепробиваемые бронежилеты их разрисованы и украшены с дикарской изысканностью. Великая трагическая любовь со всей ее пронзительной незащищенностью, любовью, которой посвятил многие страницы гениальный английский драматург, неожиданно предстала в полный рост там, где реалии происходящего оказались максимально приближены к жестокой современности.

Следует опять напомнить: ни текст, ни сюжет классика не претерпели ровно никаких изменений. Нынешним шестнадцатилетним впервые открылась неувядаемая актуальность этой пьесы. Тест на прочность Шекспир выдержал с блеском.

То, что совершил Бэз Ларман, — вовсе не слепое “осовременивание”. Его фильм можно назвать смысловым переводом, когда переводится не текст, а подтекст. Такой “перевод” доступен не каждому. Он требует великолепной ориентации во всех тонкостях подлинника, надо хорошо знать эпоху, в том числе и стоящий за конкретным произведением исторический контекст.

Все вышесказанное наводит на размышления о судьбе классики в современном мире и формах обучения литературе в школах и колледжах, — ведь проблема усвоения классического наследия остро стоит не только у американцев, австралийцев и англичан. Как бы то ни было, следует поздравить кинокомпанию “XX Century Fox” с безусловной победой.

Кадр из фильма

По сообщениям корреспондентов “Культуры” и ИТАР — ТАСС